

Азарко, О.В. Культурологический аспект языкового образования учителя начальных классов/ О.В.Азарко, Н.В.Жданович // Современное дошкольное и начальное образование: система и методы: материалы международной конференции “Чтения Ушинского” педагогического факультета ЯГПУ.– Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2009.– С.99-107.

О.В. Азарко, Н.В. Жданович

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Инновации в современном образовании, развитие духовно-нравственного мира учащихся, повышение их ценностно-ориентационной культуры обуславливают переход от знаниецентрической к культуросообразной школе и определяют ориентацию современного педагогического процесса на образование с позиций личностно ориентированного и культурологического подходов [5, с. 3]. Утверждение новой образовательной парадигмы неизбежно ставит вопросы обновления содержания образования, в частности включение культуры как системы накопленных знаний, достижений и социального опыта в процесс развития личности. Какие средства должны быть в арсенале учителя, чтобы добиться решения поставленной задачи?

Возможность расширения культурного пространства и кругозора учащихся видится в ресурсах языка, а одним из векторов работы учителя в этом направлении – углубление лингвистических знаний школьников, ведь, как говорил К.Д. Ушинский, в языке отражается жизнь народа и именно язык является основой национальной памяти и ключом к пониманию духовного мира человека.

Изучению специфики языка способствует его сопоставление с другим языком, исследование их общих и отличительных черт, в том числе ментально-культурных особенностей. Не случайно на вопросы взаимосвязи языка и культуры обращали и обращают пристальное внимание многие исследователи (работы Е.М. Верещагина, Ю.Н. Караулова, В.Г. Костомарова, Ю.М. Лотмана, И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, В.Н. Телии, В.А. Масловой и др.).

Культурологический подход давно стал приоритетным в практике преподавания иностранных языков, а курсы лингвострановедения (лингвокультурологии) всегда рассматривались как необходимая составляющая учебного процесса (обучение иностранному языку – обучение иноязычной культуре), поскольку представленная в них информация не только удовлетворяет познавательные потребности учащихся, но и обеспечивает устойчивый интерес к языку. Однако при изучении близкородственных русского и белорусского языков культурологический подход практически отсутствует. Поиск ответа на вопрос, как строить процесс обучения в вузе так, чтобы культура являлась не только результатом

образования студента, но и средством, – одна из главных задач лингводидактики, поскольку существует противоречие между осознанием необходимости внедрения культуроведческого аспекта в языковое образование и недостаточной разработанностью концептуальных подходов, дидактических средств и технологий его реализации.

Необходимость обучения языку в неразрывной связи с культурой его носителей в ситуации русско-белорусского двуязычия, закреплённого на законодательном уровне, порой даже не рассматривается как серьёзная проблема ввиду того, что существует стереотип о схожести менталитета русских и белорусов. Как правило, в основе подобных утверждений лежат наивные представления о тождестве языковых картин мира этих славянских народов. Размывание же границ национального самосознания влечёт за собой искажение восприятия нашими современниками понятий духовности, этики, морали. Соизмерить своё миропонимание с эталонами предков можно посредством языка – нужно только увидеть его образовательные и воспитательные возможности.

К сожалению, многие расценивают язык только как средство общения, не рассматривая его как культурный код нации. А ведь ещё В. фон Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [цит.: 4, с. 3]. О взаимосвязи языка и культуры замечательно сказала В.Н.Телия: «Культура – это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [6].

Недостаточно усвоить семантику слова или выражения на предметно-понятийном уровне, необходимо узнать их значение и место в культурном контексте. Соответственно задача учителя – помочь ученику увидеть тот «культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью» [4, с. 4]. Чтобы решить такую лингвометодическую задачу, будущий учитель должен сам уметь анализировать языковой материал не только с точки зрения лексики или грамматики, но и с точки зрения культуры.

Русский и белорусский языки характеризуются наличием значительного числа специфических культурных знаков, отражающих опыт и верования наших предков, их мировосприятие. В загадках, пословицах, поговорках, в народных приметах, поверьях, метафорах, сравнениях и фразеологии мы находим тот материал, который современному носителю языка без фоновых знаний просто недоступен. Особая роль в реализации кумулятивной функции языка принадлежит фразеологизмам.

В последние десятилетия контрастивный анализ русской и белорусской фразеологических систем привлекает к себе все более пристальное внимание исследователей. Фразеология – «душа» всякого национального языка, поскольку именно фразеологизмы сохраняют «память» наших предков, отражают их видение мира, передают сведения о быте, этикете, традициях, обычаях и истории. Интерес лингвистов к русско-белорусским

фразеологическим соотношениям обусловлен, прежде всего, познавательными причинами (как собственно лингвистическими (семантика, структура и т. п.), так и культурологическими), интерес методистов – и познавательными, и собственно методическими: выявление специфики фразеологических систем русского и белорусского языков необходимо для повышения речевой культуры учащихся-билингвов, которые допускают ошибки в лексико-грамматической организации и стилистической дифференциации фразеологических единиц в результате интерференции. Понятно априори, что рассмотрение фразеологии в культурологическом аспекте обеспечит положительную мотивацию изучения языков и работы над ошибками.

Анализ русско-белорусских фразеологизмов показывает, что, несмотря на близкое родство языков и так называемую «контактность» культур, существует ареал фразеологических единиц с национально-культурной спецификой. Степень их общности может не совпадать как в плане содержания, так и в плане выражения (прежде всего по компонентному составу фразеологических единиц), поэтому все такого рода фразеологизмы русского и белорусского языков можно условно разделить на две группы.

Первая группа представляет собой набор фразеологических единиц, которые объединяются одной ассоциативной связью, но имеют в русском и белорусском языках разную мотивационную основу: рус. *за тридевять земель* – бел. *за глыбокімі вадамі; за вялікімі барамі*; рус. *как кот с собакой* – бел. *як гусь з парасём*; рус. *куда ворон костей не носил* – бел. *дзе зязюлі не кукуюць; дзе нашы вароны не лятаюць; дзе камар козы пасе*.

Как правило, в подобных примерах очевидным является противопоставление образов, смысл же самих фразеологизмов можно понять по лексическому значению ключевых слов-компонентов: рус. *с гулькин нос* – бел. *з вераб'ёў нос; з камарыны нос; з жабіны прыгаршчы*; рус. *у черта на куличках* – бел. *у вірах на юрах; у чортавых зубах*; рус. *за копейку удавится* – бел. *за рубель жабу ў Вільню пагоніць*; рус. *сравнил божий дар с яичницей* – бел. *прыраўняў казулю да зязюлі* (буквально: приравнял козулю к кукушке); *прыраўняў свінню к каню; прыраўняў бот да лапця*. Образная мотивированность, присущая и русским, и белорусским идиомам, отражает национально-культурную специфику этих языков.

Можно заметить, что даже при логико-семантическом соответствии русские фразеологические обороты отличаются большей устойчивостью, тогда как белорусские – большей вариативностью, расширением тем и образов сравнения. Варьирование фразеологизмов связано прежде всего с тем, что фонд имеющихся эквивалентных единиц белорусского языка постоянно пополняется за счет калькирования, в том числе и с русского языка.

Среди фразеологических единиц, отражающих национально-специфические явления культуры русского и белорусского народов, обращают на себя внимание так называемые безэквивалентные фразеологизмы, смысловая интерпретация которых невозможна без

привлечения вертикального контекста. Современные носители языка не могут мотивировать многих фразеологических сращений, вместе с тем этимология их становится понятной, если привлечь исторический комментарий. Эта группа значительно уже первой, однако именно она представляет наибольший интерес для дешифровки культурных языковых кодов.

Носители русского языка употребляют фразеологизм *затрапезный вид* применительно к внешности человека, при этом мало кто из них догадывается о его первоначальном смысле, наивно связывая происхождение этой идиомы со словом *трапеза*: *затрапезный* – 'непринужденный, как за трапезой, повседневный, ненарядный'. Однако история устойчивого оборота не имеет никакого отношения к приему пищи, а прилагательное *затрапезный* является производным от старого, вышедшего сейчас из употребления слова *затрапез*, называвшего дешевую плотную ткань вроде тика, которая в старину широко употреблялась для пошива грубой верхней одежды. Происхождение слова *затрапез* связано с фамилией купца Затрапезнова – владельца текстильной фабрики, которая занималась производством дешевой полосатой ткани, пригодной для обивки мебели и пошива простой одежды: домашних халатов, женских платков и т. п. Соответственно прилагательное *затрапезный* вначале означало 'сшитый из затрапеза' и было нейтральным словом. «Но если для зажиточных людей затрапезный халат был домашней одеждой, то, конечно же, затрапезный костюм бедняка, надетый на выход, вызывал у них ироническую усмешку. «Затрапезный вид» свидетельствовал о низком происхождении человека. Затрапезные сюртуки и халаты носили ученики семинарий, мелкие служащие-канцеляристы, а купцы, помещики, крупные городские чиновники снисходили к затрапезу лишь дома, в быту» [3, с. 120]. Со временем затрапезной стала называться вообще бедная, непарадная одежда безотносительно к тому, из какой материи она сшита, однако яркая экспрессивно-оценочная характеристика прилагательного в переносном значении сохранилась и по сей день в устойчивом выражении *затрапезный вид*. В белорусском языке фразеологизм не имеет соответствий.

Происхождение целого ряда русских и белорусских фразеологических единиц с национально-культурной спецификой связано с именами собственными, историческими событиями, фольклором.

Не случайно известный русский фразеологизм *во всю ивановскую* отсутствует в белорусском языке (по значению соотносится с распространенным выражением *ва ўсю моц*), поскольку имеет отношение только к русской культуре. Устойчивый оборот восходит к выражению *звонить во всю ивановскую*, то есть во все колокола колокольни Ивана Великого в московском Кремле, и выражению *кричать во всю ивановскую*, мотивированному названием Ивановской площади в Кремле, где в старину оглашались царские указы. Безэквивалентный белорусский фразеологизм *за дедом шведом* 'очень давно' также имеет исторические корни: в 1655 и 1706-1708 гг. во время войн Речи Посполитой с соседями на белорусские земли приходили шведские войска [2, с. 50].

«Предметная» история раскрывает подлинные значения многих слов и выражений, которые часто для современных носителей языка остаются «загадкой». Например, что такое *турусы на колесах* и зачем их *разводить* догадается не каждый русский человек. В современном языке выражение означает 'нести вздор, говорить непонятно', однако его буквальный смысл связан с русской историей: *турусы* – особые деревянные сооружения, которые ставились на бревна и подкатывались к стенам, – использовались русскими воинами, которые шли на приступ городов и крепостей. Впоследствии у выражения появились переносные значения 'непонятные действия, хитросплетения', 'предварительные путаные разговоры', 'бессмысленные разговоры по пустякам' [3, с. 116-117], которые и соотносятся с современной семантикой фразеологизма.

Общая для белорусского и украинского языков идиома *куку ў руку* также имеет давнюю историю. Согласно верованиям наших предков, чтобы счастье сопутствовало человеку весь год, необходимо было, услышав ранней весной первое «ку-ку», зазвенеть монетами в кармане или руке. С этим поверьем этнограф П.М. Шпилевский связывал возникновение пословицы *Схавай тры грошы ў руку на куку*. Выражение *на куку* первоначально обозначало 'деньги, оставленные на счастье', потом стало ассоциироваться со взяткой (в «Словаре белорусского наречия» Ивана Носовича: *Сунь яму куку ў руку, і дзела пойдзе добра*). В свою очередь возникновение устойчивого оборота *зарабіць, як Заблоцкі на мыле* (употребляется со значением 'проиграть дело, прогадать, понести убыток') связывают с историческим анекдотом. Купец Заблоцкий, чтобы не платить пошлину, решил провезти контрабандой мыло и спрятал его на дне судна, где оно и размокло [2, с.52]. Этот фразеологизм известен не только белорусам, но и полякам, однако не имеет аналога в русском языке.

Лингвисты обращают внимание на то, что в составе народных пословиц собственные имена часто ассоциируются с теми или иными человеческими качествами и содержат скрытую оценку: бел. *У людзях Ілля, а дома свіння; Хомка сядзіць ціхенька, а думае ліханька*; рус. *Борода Минина, а совесть глиняна; На бедного Макара все шишки валятся* [1, с. 26]. Такое свойство имен собственных способствует закреплению их как компонентов устойчивых оборотов с ярко выраженной национально-культурной спецификой. Достаточно вспомнить известный русский фразеологизм *валять Ваньку* 'паясничать, потешать глупыми выходками', который в белорусском языке имеет соответствие *валяць дурня*. Замена имени в белорусской идиоме свидетельствует об отсутствии в данной культуре прецедентных текстов, где это имя собственное выступало бы как символ определенных качеств (в отличие от русской культуры, где Иванушка, Ванька широко представлены в фольклорных произведениях и часто сопровождаются определением *дурак*).

Однако происхождение устойчивых выражений не всегда можно трактовать однозначно. Так, предметом дискуссии лингвистов является белорусский фразеологизм *выскачыў як Піліп з канпель* 'сделал, сказал что-нибудь резко, не к месту'. Одни исследователи считают источником происхождения этого устойчивого выражения профессиональную речь

охотников, поскольку в отдельных белорусских говорах *пилипом* называли зайца [2]. Другие же связывают возникновение фразеологизма с историческим фактом: шляхтич Пилип из деревни Конопля был высмеян после неудачного выступления на польском сейме. Известный белорусский лингвист В.И. Коваль обратил внимание на дополнительные коннотации имени Пилип, основываясь на следующих языковых фактах. Во-первых, белорусское имя Пилип соответствует русскому имени Филипп, которое маркирует в определенных контекстах пейоративные характеристики: Филипп, Филя, Филька – ограниченный, недалёкий человек (*У Фили пили, да Филю и побили*). Во-вторых, известен чешский вариант фразеологизма, в котором имя собственное *Пилип* заменяется именем *Хонза*, символизирующим глупость, ограниченность человека. В-третьих, в белорусском языке это устойчивое выражение имеет синонимы, в которых варьируется компонент сравнения (имя собственное – нарицательное существительное с ярко выраженной оценкой): *выскачыў як Піліп з канпель* – *выскачыў як Раман з канпель*, *выскачыў як шляхціч з канпель*, *выскачыў як дурань з канпель*. Кроме того, не случаен и второй компонент идиомы: такое растение, как конопля, имеет тяжелый, дурмящий аромат и оказывает соответствующее воздействие на человека [1, с. 27-28]. Привлечение фоновых знаний позволяет понять подлинный смысл фразеологической единицы: под воздействием дурмящего аромата человек, а тем более недалекый, чудаковатый Пилип может вести себя неразумно и говорить глупости.

Конечно, разные типы фразеологических единиц обладают различными культурными коннотациями, но именно фразеологический состав языка является тем «зеркалом», в котором «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [6, с. 91]. Сравнительно-сопоставительное изучение русских и белорусских устойчивых выражений не только выявляет национально-культурное своеобразие языков, знакомит нас с особенностями жизни двух восточнославянских народов, но и обеспечивает неподдельный интерес к процессу обучения.

Литература

1. Коваль У.І. Чым адгукаецца слова: Фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях. – Мінск: Народная асвета, 1994.
2. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мінск: Народная асвета, 1981.
3. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И. Мир родной речи (Беседы о русском языке и культуре речи). – М.: «Знание», 1972.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: «Академия», 2001.
5. Стремек И.М. Обновление содержания общего начального образования // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. – 2007. – № 3. – С. 3.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М., 1996.